

казак тіліндегі қосарлы етістіктердің баяндауыш баяндауыштық тұлғасымен біркелкі келе бермейді. Көне түркі тіліндегі қосарлы етістіктердің екі сыңары да сөйлемде көсемшенің -п, -ып, -іп тұлғаларында тұрып баяндауыш болу құбылысы жиі ұшырайды. Мәселен:

– Менің бұл йүрәкім йарылып-бөксіліп...

Бұл казак тіліндегі қосарлы етістіктерде жоқ ерекшелік. Көсемше формалары казак тілінде сөйлемді аяқтайтын тиянақты тұлға болып есептелмейді. Ал есімше формасында тұрып баяндауыш та, анықтауыш та бола алады. [3, 370]

Келесі бір ерекшелік, көне түркі тіліндегі қосарлы етістіктер казак тіліндегі қосарлы етістіктердей сөйлемнің кез-келген мүшесі бола алады. Қазак тіліндегі қосарлы етістіктер сөйлемде баяндауыш болудан сырт, соңғы сыңарына қажетке қарай әр түрлі септік жалғаулары жалғанып сөйлемнің бастауышы толықтауышы, пысықтауышы да бола

алады. Әсіресе, казак тіліндегі қосарлы етістіктер пысықтауыштық қызмет атқаруы дағдыға айналған актив құбылыс. Сондықтан қосарлы етістіктер сөйлемдегі қолданыс ыңғайына қарай әуелгі етістік мәнінен басқа сөз табына бейімделіп лексикалана бастаған. Көне түркі тіліндегі қосарлы етістіктерде мұндай икемдік көп көріне бермейді. Мұның өзі олардың бастақыда тұйық етістік мәнінде жұмсалғандығын, лексикалану процесіне түспегендігін көрсетсе керек.

1. Махмұт Қашқари Түркі сөздігі. – 1997-110, 242-66
2. Қазіргі казак тілінің сөзжасам жүйесі. – Алматы, 1989, 273-б.
3. Серғалиев М. Күлтегін ескерткішіндегі синтаксистік конструкция. Байырғы түркі өркениеті... -370 б.

***

В статье рассматриваются синтаксистические функции глаголов в древнетюркской письменности.

***

In this article is devoted syntax functions of verbs in the ancient turkish language.

У. Е. Мусабекова

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ: ПРАВОПИСАНИЕ И ВАРИАТИВНОСТЬ

Орфография – одна из важнейших составляющих национальной культуры, и наличие общеобязательного свода правил правописания – один из признаков культурного здоровья общества.

Но вопрос о природе языковых изменений и сегодня не потерял своего интереса, продолжая привлекать пристальное внимание лингвистов различных профилей. Среди лингвистов широко обсуждаются такие фундаментальные для русской орфографии теоретические вопросы, как: 1) соотношение кодифицируемого и не поддающегося кодификации языкового материала и возможности отражения последнего в нормативном своде правил, а также вытекающая отсюда 2) проблема двух способов орфографического описания – в формате правил и в формате словаря, их взаимодействие, взаимодополнение; 3) вариативность письменного облика некоторых слов и порождаемые этим явлением трудности кодификации; 4) проблемы правописания в связи с проблемой цельнооформленности слова, с соотношениями «слово-морфема», «слово-словосочетание», актуальность которых очевидна для отделов орфографии, описывающих слитное – дефисное – раздельное написание языковых единиц [1, с. 4].

Проблема орфографической вариативности на современном этапе развития русского языка интересует многих, особенно редакционно-издательских работников и журналистов. Связано это, прежде всего, с большим количеством новых слов и

необходимостью их адаптации к русскому письму. Упорядочение написания колеблющихся в практике письма слов – прежде всего слов новых (но не только заимствованных) – очень важно с точки зрения общих задач единообразного письменного оформления слов и является определяющим при составлении нормативных (орфографических и иных словарей).

Проблему орфографической кодификации иноязычных слов можно рассматривать как самостоятельную орфографическую проблему, поскольку графический облик иноязычного слова определяется, с одной стороны, этимологом языка-источника, а с другой – системой русского письма, характерными для него принципами и тенденциями. Это усложняет процессы письменного освоения слов, определяет их своеобразие. Установлению орфографических норм должно предшествовать изучение противоречивых факторов, влияющих на написание слова. На этапе освоения иноязычных слов наблюдается письменная нестабильность, приводящая к вариативности и письменного оформления, и устного употребления.

В принципе орфография – как письменная форма языка – наиболее устойчива к вариативности. Орфографические нормы единообразны и не допускают вариантов. Правила правописания фиксируются в виде общеобязательного и официально утвержденного документа – свода правил, а единое каноническое написание слов – в нормативных орфографических словарях. Разумеется, эти документы должны периодически обновляться, пополняться,

упорядочиваться с учетом новых фактов языка и практики письма.

С точки зрения подвижности орфографических норм наиболее устойчивый характер носят нормы, определяющие употребление букв в составе слов. Нормы слитных, раздельных и дефисных написаний более подвижны и чаще изменяются, различаясь в разных словарях и в разных изданиях одного и того же словаря. Это относится и к некоторым правилам написания слов с прописной или строчной буквы, которые к тому же подвержены влиянию экстралингвистических факторов – прежде всего политико-государственных (написание официальных названий государственных учреждений, названий, связанных с религией и др.).

Вместе с тем, и такая жесткая сфера применения языка, как орфография, не чужда вариативности, хотя и вариативности особого рода.

Во-первых, есть варианты, которые нельзя назвать чисто орфографическими: они обусловлены различиями в произношении слов (*китч* и *кич*, *андерграунд* и *андеграунд*).

Вторая группа вариантов – варианты историко-стилистические: например, написание уменьшительно-ласкательных суффиксов *-иньк-*, *-ичк-* вместо *-еньк-*, *-ечк-* (*Фединька*, *Ваничка*).

Третий тип орфографических вариантов, которые можно назвать интерпретационными, – когда пишущий имеет возможность написать двояко, так или иначе, в зависимости от того, как он понимает данное языковое явление, отдавая себе отчет в этом.

При наличии в практике письма колебаний, вариантов написания тех или иных слов либо типов слов (особенно это касается неологизмов) задача орфографистов – обоснованно выбрать один из вариантов в качестве кодифицированного и зафиксировать его в нормативном словаре, а при необходимости – и в правилах. При этом нельзя не учитывать действующие орфографические правила. Это относится и к отдельным конкретным новым словам: унификация их написания опирается на орфографический прецедент.

Как указывает, В.В. Лопатин: «Существует точка зрения, что орфографические варианты новых слов допустимы достаточно долгое время, пока они «улягутся» в языке, пока «утрясется» их написание. Правда, совершенно неясно, сколь длительным должен быть период, в течение которого надо ждать такой «утряски» написания слова. А с другой стороны, используя метод опоры на орфографический прецедент, на тип написания аналогичных с той стороны или иной точки зрения слов, можно, не дожидаясь какого бы то ни было срока, рекомендовать единственный вариант написания нового слова в качестве общеобязательного, канонического» [1, с. 241].

Предлагаемый подход к орфографическим вариантам, основанный на системно-языковых закономерностях и на традициях письма, находит отражение в нормативных словарях (не только орфографических), предлагающих единообразное напи-

сание слов. Но в то же время, в ряде словарей авторы стремятся отразить активизирующуюся за последние годы, в том числе и новую, лексику русского языка во всем многообразии ее проявлений, включая сюда и письменный облик слов. Такие словари изобилуют орфографическими вариантами.

Происходящие процессы в современном трансформирующемся обществе приводят к демократизации норм, которая обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между собой конкурируют и требуют лингвистической кодификации и закрепления ортологического выбора в лексикографических источниках, пособиях, справочниках и т.д. Отсутствие ортологических справочников, отражающих современные изменения в языке, привносит реальные затруднения и в практику межъязыковой передачи новых слов, в частности, топонимов и оттопонимической лексики. Так, в российских средствах массовой информации чаще употребляются устаревшие названия казахстанских городов (*Алма-Ата* вместо *Алматы*, *Чимкент* вместо *Шымкент* и т.д.). Незавершенность этого вопроса вносит путаницу и создает неудобства при практическом употреблении вновь появившихся иноязычных топонимов [2, с. 126-130].

Таким образом, имена собственные являются как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации, в изучении иностранного языка и в переводе с него. «Это ценное свойство собственных имен, однако, породило распространенную иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и в практике перевода. Но такой подход основан на глубоком заблуждении. Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени» [3, стр. 6].

В то же время, объективно сложившееся состояние сложившейся кодифицирующей базы русского языка не позволяет на практике решить проблему орфографического единообразия иноязычных слов, что связано с недостаточной разработанностью принципов нормализаторской деятельности в этой области. Задача преодоления широкой вариативности заимствований требует специального изучения. Унификация письменных вариантов может быть достигнута двумя путями: 1) установлением критериев кодификации; 2) проверкой временем в узусе.

В этой связи чрезвычайно велика роль лингвистов в языковом строительстве. С одной стороны, они создают учебники по русскому языку, грамм-

матики, стилистики, риторики и словари разного типа, которые аккумулируют сложившиеся к нашему времени культурные, преподавательские и научные знания. С другой стороны, не менее важна деятельность лингвистов в области защиты, поддержки и развития литературного языка как высшей формы существования языка в его обработанной полифункциональной стилистически дифференцированной системе.

Другой вопрос, как отражается описанная картина в теоретической и прикладной ортологии. Техника культурного речевого пользования к настоящему времени осмыслена системно-результативно: словарь и грамматика современного русского языка получили ортологическую интерпретацию и кодификацию, частично зафиксированы клишированные формулы речевого пользования. Технологическая же, процессуальная, сторона нормы остается вне поля зрения теории культуры речи и ортологической кодификации.

Выделение коммуникативного и этического компонентов культуры речи, усилившееся с развитием функционализма и антропоцентризма в лингвистике, выработка понятия владения речью восходящего к понятию коммуникативной компетенции, обещают перемены, способствуют тому, чтобы устойчивая громада уровневой ортологии перестала, наконец, быть единственным способом ортологической систематики. Вторым способом может и должна стать систематика на речедетельностной основе. Сферы же культурно-речевой регламентации отвечают названным выше компонентам культуры речи: коммуникативному и этическому.

Этический компонент может быть описан только на основе антропоцентрической концепции в языкознании. Несомненно, что при исследовании этической стороны речевых взаимодействий в центр ортологических построений должен быть поставлен *homo loquens* – человек говорящий. Речевое поведение – это поведение личности, личность же, имея дело с нормой, связана обязанностями и наделена правами.

Таким образом, наличие социального заказа обнаруживает необходимость разработки интенсивных методик культурно-речевой работы специализированного типа. Особый интерес вызывает *орто-*

логический подход, который признан основным в методике культуры речи, где осуществляется интерпретация по цепочке *речь-язык*. При этом ведущей категорией является кодифицированная норма. Всем известно, что хорошая речь – правильная. Причем единицей и предметом анализа может стать любой отдельный языковой элемент.

Правильность речи – это фундаментальное качество, которое проявляется в том, что говорящий соблюдает кодифицированные нормы языка, или языковые предписания. Следовательно, отступление от правильности речи – ошибка. Правильность речи устанавливается на основании базовой дихотомии *речь-язык*. Сущность правильности интерпретируется с учетом исторических особенностей развития языка, наличием его подсистем и вариантов.

Языковая норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств в данную эпоху. Норма обслуживает все социально важные сферы человеческой деятельности и являет роль фильтра, который пропускает в литературный язык все яркое, меткое, необходимое и отсеивает случайное, невыразительное, ненужное. Задача лингвистов, и прежде всего лексикографов, – своевременно реагировать на распространение новых слов и давать рекомендации по их правописанию в согласии с правилами и с разумным учетом практики письма. Активная позиция лингвистов в данном вопросе значительно облегчила бы жизнь преподавателям, редакционно-издательским работникам и способствовала бы повышению грамотности общества.

1. Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова /Под ред. В.В. Лопатина. – М., Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 279 с.

2. Мусабекова У.Е. Казахский язык как средство интеграции в формате российского поликультурного образования // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы: Материалы 3 международной научно-практической конференции. - Тюмень, 2010. – С. 126-130

3. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.

***

Макалада орфографиялық варианттардың пайда болу себептері анықталады және әр түрлі жазу үлгілерінің тұрақты жазу емлесін қалыптастыру шарттары қарастылады

***

In the article there is correct writing of names of Kazakhstan inhabitants is of great research and practical importance, as the problem of unification and standardization of onimical origin names.

М. Б. Нуртазина

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ВРЕМЕНИ

Современный этап в развитии лингвистической мысли характеризуется пристальным вниманием лингвистов к функционально-коммуникативному

аспекту реализации речевых единиц, что находит отражение в разработке проблем коммуникативной предназначенности языка и его реального исполь-

зования в социально-практической деятельности людей.

В этой связи актуальной проблемой языкознания, в которой скрещиваются различные направления философии, психологии, литературы, физики, является проблема выражения временных отношений в контексте таксисных значений.

Существование в языке категории таксиса, сложность его модели, специфики отмечались в отечественной языковедческой традиции, а также в современном языкознании на материале тех или иных языков [1, с. 96-99; 2, с. 15-17; 3, с. 51-59, 4, с. 22-34, 5 и др.]. Проведенные исследования способствовали как бы очерчиванию контуров функционально-семантических потенций компонентов, выражающих таксисные значения, и предполагали возможность новых подходов к проблеме столь сложного явления и новых путей его решения. Кроме того, содержание таксиса лишней раз свидетельствует о многомерности обсуждаемой проблематики и о многообразии возможностей ее интерпретации. Связано оно с тем, что семантика таксиса является гетерогенным фактором. Поэтому при ее рассмотрении оказывается одинаково важным учет детерминированного характера связей явлений объективной действительности, специфики языковой интерпретации понятийного содержания, активности позиции говорящего как в процессе познания, так и в процессе речевой деятельности, коммуникативно-прагматического эффекта употребления данной грамматической формы [3; 4].

Необходимо подчеркнуть также значимость и непреходящую актуальность концепций Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, В.С. Храковского, Г.А. Золотовой и других ученых для осмысления проблемы таксиса [2; 3; 7; 8; 9; 10; 11]. Если даже избирается иной подход к семантической характеристике грамматических единиц и категорий, связанных с таксисом, а именно подход, базирующийся на принципе множественности типов структурной организации категориальных значений, то теория, например, А.В. Бондарко постоянно воздействует на осмысление всего круга обсуждаемых вопросов и стимулирует дальнейшие поиски возможных решений.

Попытки тем или иным образом корректировать трактовку значения таксиса с учетом его включенности в более широкий контекст ситуации, деятельности, дискурса особенно активизировались в последние годы. К числу таких вопросов можно отнести обсуждение проблем таксиса с позиций интегративной теории репрезентации, которая основывается на трактовке таксиса как процесса представления и интерпретации мира человеком, как ментальной репрезентации разных отношений между действиями [1, с. 108].

Таксис (как зависимый, так и независимый) как категория еще не определен точно в грамматической семантике как русского, так и других языков. В этой связи можно сравнить определение таксиса, которые были предложены Р.О. Якобсоном, Ю.С. Масловым и А.В. Бондарко, с одной стороны, и определение

таксиса, предложенное В.С. Храковским, с другой: «Таксис – категория, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность, предшествование, следование) одной ситуации P1 относительно другой ситуации P2, чья временная локализация прототипически характеризуется относительно момента речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации Pn» [11, с. 34]. Практически идентичная трактовка рассматриваемой категории (называемой, однако, «относительным временем») была предложена И.А. Мельчуком, который также включает в эту категорию только три граммы: одновременность, предшествование и следование [10, с. 69].

Одним из примеров последовательной реализации ситуационного подхода к таксису может служить именно такая точка зрения В.С. Храковского, когда автор подробно рассматривает конструкции со специализированными и неспециализированными формами выражения следования [11, с. 29-68].

Развивая свою концепцию таксиса, В.С. Храковский в работах последних лет предложил универсально-типологическую концепцию таксисных конструкций [11, с. 867-868], а также новую классификацию таксисных конструкций, включающую валентностный, невалентностный и фоновый таксис [11, с. 52]. Валентностный таксис, в его интерпретации, включает полипредикативные конструкции с глаголами речи, мыслительной деятельности и чувственного восприятия. В таких конструкциях синтаксически зависимая конструкция является предикатным актантом другой. Конструкции невалентностного таксиса (с формами глаголов СВ и НСВ) собственно и выражают относительно-временное значение одновременности, предшествования и следования. И, наконец, таксисные конструкции третьего типа («не собственно таксисные бипредикативные конструкции», по выражению самого В.С. Храковского, где «в главной и зависимой частях выражаются самостоятельные ситуации» [11, с. 49-53]) имеют причинную, условную или уступительную семантику, хотя при этом в них в качестве фоновых присутствуют и таксисные отношения между двумя частями конструкции [11, с. 53]. Экспериментальное исследование В.С. Храковского позволило обнаружить когнитивно-семантическую репрезентацию таксиса как многомерного образования.

В последние годы и в казахстанской лингвистике появилось значительное количество публикаций, в которых делаются попытки осмыслить новейшие тенденции в понимании семантики таксиса в разных аспектах, в том числе в сопоставительном аспекте [5, с. 23-29; 4] и др.

Все вышеизложенное говорит о том, что вряд ли правомерна сформулированная Р.О. Якобсоном оппозиция времени как шифтерной глагольной категории (зависимой от речевой ситуации) виду и таксису как нешифтерным [1, с. 101, 104]. Вид и

таксис, как и представляемое в речи время, неотделимо связаны с точкой зрения интерпретации [1, с.112-114] говорящего субъекта и конструируемой им ситуацией речи. Правомерна позиция Г.А. Золотовой: «Фигура говорящего / наблюдателя с ее меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста и одушевляет грамматику. Поиски очеловеченного представления языковой системы, раздвигая границы грамматической компетенции, подводят более аргументированную лингвистическую базу под филологические исследования и поднимают грамматику на уровень современных гуманитарных задач, способствуя «раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом» [8, с.113].

Перейдем непосредственно к обсуждению вопросов, связанных с идеей времени и местом таксиса в этой системе.

Так как понятие таксиса вошло в лингвистический обиход сравнительно поздно, то оно оказалось в кругу других категорий, что потребовало от лингвистов определения отношений между таксисом, предикативностью и дейксисом, таксисом и эвиденциальностью, таксисом, относительным временем и видом; в категориях темпоральности, временной локализованности, аспектуальности и временного порядка [3; 4; 8; 10].

Перечислим семантические категории, связанные с идеей времени: аспектуальность, темпоральность, временная локализованность, временной порядок. Временная ориентация в них направлена на выражение таких семантических разновидностей, как: предшествование-следование и одновременность; характер протекания и распределения действия во времени; ориентация на момент речи, временной дейксис; единичность/ повторяемость, конкретность/ абстрактность динамичность «наступлений фактов» (смены ситуаций) и статичность длительностей.

Попытаемся проанализировать основания для соединения или противопоставления всех перечисленных семантических категорий и сделать вывод о том, что сама задача установления границ таксиса актуальна для категориально-морфологического подхода. Особенностью этого подхода является то, что таксис понимается как один из способов воплощения идеи времени. Категория таксиса при этом сближается с понятием «синтаксический режим интерпретации» Е.В. Падучевой [9, с.231-233].

Таксис соотносится также с понятиями «возникновение новой ситуации» как аспектуальной функции, реализующейся в различных условиях, в том числе и в монопредикативных высказываниях [7, с.24-27], и «секвентность» как таксисное в своей основе отношение, выражаемое в полипредикативных конструкциях и их сочетаемость в тексте [8, с.108-112].

Временной порядок трактуется А.В. Бондарко как «отражаемое в высказывании и целостном тексте

языковое представление «времени в событии», т.е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями времени и интервалов» [3, с.96]. Поэтому языковое представление временного порядка отражает человеческое представление о времени, осмысливаемое в работах по философии, хотя структуру его в тексте образуют различные комбинации динамичности «наступлений фактов» («возникновение новых ситуаций») и статичности «длительностей («данных ситуаций»)» в сочетании с обозначением интервалов между действиями.

Следовательно, временной порядок – это особая семантическая категория, более широкая и объемная, чем таксис, аспектуальность, темпоральность и временная локализованность, так как «временной порядок возможен в такой области, которая не имеет никакого пространственного порядка, а именно в сфере психического опыта человека» [6, с.130]. Специфика исследования категории временного порядка заключается в доминирующей направленности анализа на изучение репрезентации ее в высказывании и целостном тексте. Что касается взаимосвязи временного порядка и аспектуальности, то характер этой связи связан с подходом к видовым значениям, который выявляет соотношение предела и наступления нового состояния в разных типах глагольной лексики, основанного на признаках ограниченности действия пределом и целостности.

В структуре временного порядка, выступающего в тексте, основным средством выражения динамичности сменяющих друг друга ситуаций является последовательность форм СВ, а основным средством выражения статичности – формы НСВ с учетом разных способов глагольного действия. Категория вида служит одним из примеров не-шифтера, связанного с выражением идеи времени (Р.О. Якобсон обозначает ее формулой E_n), поскольку здесь действие (факт, событие) характеризуется по своим внутренним временным параметрам, само по себе, безотносительно к факту сообщения). Выше уже указывалось, что, согласно Р.О. Якобсону, «таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [1, с.111]. Таким образом, таксис – это коннекторная и одновременно нешифтерная категория.

На наш взгляд, данное положение является у Р.О. Якобсона ключевым в его общей концепции таксиса, поскольку оно отражает наиболее специфические признаки данной категории. Можно, пожалуй, даже утверждать, что нешифтерность и коннекторность составляют базовые признаки таксиса. Отсюда и указанная выше формула таксиса, записанная самим Р.О. Якобсоном как $(E_n E_n)$. С этими базовыми признаками могут совмещаться и другие семантические признаки, такие как одновременность сообщаемых фактов, предшествование одного из них другому, уступительная связь, прерывание и т.п. [1, с.112].